

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.24>

Гусева Ирина Ивановна

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК С. Н. БУЛГАКОВА В ПРОЕКЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы методологии социальных наук в "Философии хозяйства" С. Н. Булгакова. Цель работы - выявить взаимосвязь методологической концепции С. Н. Булгакова и современных программ построения и обоснования социально-гуманитарных наук. Показано, что основные принципы и установки методологии социального познания С. Н. Булгакова являются прототипами или имеют глубинное родство с такими приоритетными установками и стратегиями современного социально-гуманитарного знания, как акцент на индивидуальных формах бытия социума и культуры, отказ от логического фетишизма, конструктивистская парадигма, использование микроанализа социального мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 130-133. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Онтология и теория познания

Ontology and Epistemology

УДК 1; 165; 303.4

Дата поступления рукописи: 07.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.24>

В статье рассматриваются проблемы методологии социальных наук в «Философии хозяйства» С. Н. Булгакова. Цель работы – выявить взаимосвязь методологической концепции С. Н. Булгакова и современных программ построения и обоснования социально-гуманитарных наук. Показано, что основные принципы и установки методологии социального познания С. Н. Булгакова являются прототипами или имеют глубинное родство с такими приоритетными установками и стратегиями современного социально-гуманитарного знания, как акцент на индивидуальных формах бытия социума и культуры, отказ от логического фетишизма, конструктивистская парадигма, использование микроанализа социального мира.

Ключевые слова и фразы: методология социально-гуманитарных наук; философия С. Н. Булгакова; индивидуальные формы социального; микроанализ социального мира; логический фетишизм; конструктивистская парадигма.

Гусева Ирина Ивановна, д. филос. н., профессор
Саратовский социально-экономический институт
(филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
iris212009@rambler.ru

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК С. Н. БУЛГАКОВА В ПРОЕКЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В данной статье мы рассмотрим проблемы методологии социальных наук в работе С. Н. Булгакова «Философия хозяйства». **Актуальность** этой задачи обусловлена необходимостью использования методологического инструментария русской философской традиции и, в частности, творчества С. Н. Булгакова для разработки исследовательских стратегий современного социально-гуманитарного знания. **Научная новизна** работы заключается в выявлении принципиального сходства методологии С. Н. Булгакова с философско-эпистемологическими программами современных социально-гуманитарных наук. В этом контексте будут рассмотрены и проанализированы обоснованные и применённые в «Философии хозяйства» стратегии исследования социального мира, которые предвосхитили и способствовали формированию таких современных методологических подходов, как варьирование масштаба анализа, отказ от «наивного реализма», смещение фокуса исследования от коллективных к индивидуальным форматам бытия социального.

Так сложилось, что ренессанс русской философии Серебряного века выдвинул на первый план религиозно-антропологические и историософские мотивы в этом наследии. Однако на основе метафизики всеединства поднят и осмыслен мощный пласт методологических проблем, что долгое время оставалось в тени. Сейчас ситуация меняется: эпистемологические поиски русских мыслителей этого периода стали объектом пристальной методологической рефлексии. Исследователь творчества Г. Г. Шпета Т. Г. Щедрина в этой связи отмечает: «Рационалистический поворот к проблемному анализу позволяет эксплицировать методологические установки русских философов и, в частности, поставить под вопрос тезис об “антиметодологичности” русской философской мысли» [3, с. 9].

Очень часто «Философию хозяйства» С. Н. Булгакова оценивают как своего рода «русский ответ» на «Протестантскую этику и дух капитализма» М. Вебера. И для этого есть все основания: действительно, сравнительный анализ веберовской концепции рациональности как своеобразной несущей конструкции западной цивилизации и софийного начала хозяйства и труда в работе русского мыслителя позволяет увидеть не только фундаментальные различия в парадигмах европейской и русской философии и социальной мысли, но и многое объясняет в расхождении цивилизационных путей Европы и России, в том числе в современном мире. Однако в труде С. Н. Булгакова не менее значимое место занимают проблемы методологии социального познания.

Основная претензия С. Н. Булгакова к социальной науке заключается в том, что она, по его характеристике, совсем абстрагируется от индивидуального бытия: «Все индивидуальное погашается, умирает еще за порогом социальной науки, и туда не доносятся отзвуки непосредственной жизни, оттуда, как из-под колпака, наперед выкачан воздух. Индивидуум существует там не как творец жизни и не как микрокосм, но только как социологический атом или клетка» [1, с. 285]. Мыслитель выступал против того, что он называл научным стилем политической экономии, «социологизмом», социологическим детерминизмом, благодаря которому эта наука избавляется от индивидуальности, целиком заменяя её «совокупностями», устраняет свободу и творчество и превращает картину социального мира в утрированное торжество социальной закономерности.

В силу этого политическая экономия не интересуется явлениями индивидуальной хозяйственной жизни, они имеют право на существование лишь как материал для формирования социальных совокупностей и не обладают онтологической и гносеологической самодостаточностью, выступая всего лишь как средние экземпляры своего социального типа. С. Н. Булгаков обращает внимание на то, что путь от индивидуальному к социальному и групповому возможен в перспективе исчерпывающего изучения, хотя последнее, конечно, нереализуемо; в то время как «от группового изучения нет прямого пути к индивидуальному, а может быть только скачок. Поэтому практически индивидуальное и социальное суть как бы различные миры...» [Там же, с. 320]. Однако эта антитеза индивидуального и социального несколько устарела: в последние несколько десятилетий в социальных науках произошли заметные изменения образов социальной реальности, и одна из главных перемен связана как раз с осмыслением значимости индивидуальных форм бытия социального [4]. Так, принцип органической взаимосвязи общества и индивида утверждал в своих работах один из главных предшественников символического интеракционизма Ч.-Х. Кули. В своей программной книге «Человеческая природа и социальный порядок» он неоднократно говорит о ложности альтернативы «общество – индивид»: слово «социальный», употребляемое в разных аспектах, не означает противоположности «индивидуальному» или «личному»; «общество» и «индивид» – лишь разные аспекты единого целого [6, с. 33]. Эта же идея во многом вдохновила движение микросоциологии. Странники этого направления отказались от антитезы «коллективизм – индивидуализм» и приняли в качестве фундамента концепцию методологического ситуационизма. При этом в центре внимания оказывается взаимодействие в «мелкомасштабной» социальной ситуации [5, с. 358]. Именно этот фокус социального исследования, по мысли микросоциологов, позволяет избежать как спекулятивно-метафизических конструкций, так и крайностей эмпиризма, возникающих при чрезмерном акценте на индивидуальном.

Идея же скачкообразного перехода между индивидуальным и социальным у С. Н. Булгакова напрямую перекликается с утверждением одного из современных адептов биографического метода в социологии В. Фукс-Хайнрихта: «...один единственный случай может превзойти несовершенство теории или суммированных результатов предшествующих эмпирических исследований и тем самым способствовать новым теоретическим продвижениям, эмпирическим дополнениям» [9, с. 22]. Это несколько парадоксальное на первый взгляд заявление как раз и содержит в себе, по нашему мнению, представление о невозможности редуцировать переходы между индивидуальным и социальным только к индуктивной либо дедуктивной логике: возможен такой «прорыв» от индивидуальных форм бытия социального к теоретическим обобщениям, который не сводится к типизации. Проблема, конечно же, заключается в том, где эта «точка сингулярности»: как угадать и выделить тот единственный случай, который может послужить таким мощным «трамплином» в исследовании? Является ли это исключительно сферой научной интуиции, научного везения и выходит за пределы рациональных механизмов научного творчества? Хочется утвердительно ответить на этот последний вопрос, ведь очевидно, что далеко не всякое единственное, конкретное, сингулярное, попадающее в поле зрения научного поиска, в состоянии привести к такому теоретическому прорыву.

Акцент на индивидуальных явлениях хозяйственной жизни у С. Н. Булгакова резонирует с современными тенденциями повышенного научного внимания к микромиру социального. Об этих тенденциях свидетельствуют популярность и методологическая значимость, сопровождающаяся зачастую острыми академическими дискуссиями, таких направлений, как микроистория, микросоциология, микроэкономика. При этом в фокусе исследования оказываются микромеханизмы производства и воспроизводства социального.

Направленность на локальное и индивидуальное отнюдь не тождественна эмпиризму. Жизненные миры и индивидуальные траектории, оказываясь в эпицентре исследования, перестают быть просто материалом для формирования «совокупностей» и выявления статистических закономерностей. Качественные методы в социологии, ракурсы микроистории открывают самоценность и самодостаточность – причём как онтологическую, так и гносеологическую – конкретного, уникального, сингулярного. Микроанализ социального даёт возможность увидеть и исследовать, как из переплетения жизненных стратегий рождаются социальные нормы, структуры, институты, ценности.

Зачастую в социальных науках определённые схемы упорядочивания и структурирования социальной реальности становятся неким *rigor*: происходит «забывание» методологических истоков генезиса этих схем, и эта логическая сетка «набрасывается» на живую ткань социально-исторической жизни, порой деформируя её до неузнаваемости. Ракурсы микроанализа позволяют преодолеть этот «диктат» рубрикации: одномерный обзор социального мира становится объёмным, стереоскопичным, в поле зрения научного поиска попадают совершенно новые эпистемологические сюжеты. Это даёт возможность избавиться от логических «скелетов в шкафу» социальных наук и по-иному увидеть панораму мира социума, культуры, истории.

В качестве иллюстрации сошлёмся на исследования известного представителя движения микроистории С. Черутти. Так, изучая процессы социопрофессиональной стратификации в Турине XVII-XVIII вв., ученый показывает, что в традиционной исторической науке эти процессы реконструировались с помощью понятий, не укоренённых в жизненном опыте людей той эпохи. Черутти подчеркивает, что, исследуя логику самосозидания городского порядка, ученый прослеживает и пути формирования соответствующих категорий. При этом варьирование масштаба наблюдения приводит к трансформации содержания изучаемых объектов и кардинально меняет направленность анализа: «Вместо того чтобы рассматривать принадлежность индивидов к социальным группам как самоочевидную (и анализировать априорно установленные отношения между субъектами), этот подход переворачивает перспективу анализа и исследует то, как социальные отношения создают эти общности, объединения и, в конце концов, социальные группы» [10, с. 38].

Рассматривая город как «действующее лицо истории», микроисторик обращается к таким необычным с точки зрения традиционной истории объектам, как обещания, ожидания, притязания, взаимные обязательства обычных людей, их место в сообществе соседей и родственников, а не только в макроструктурах городского уклада. Здесь возникает прямая ассоциация с размышлениями С. Н. Булгакова о необходимом внимании науки к явлениям индивидуальной хозяйственной жизни, к «живой причинности», к волевым и творческим актам, посредством которых индивид реализует свою свободу в хозяйственной и трудовой деятельности. Отметим попутно, что на страницах «Философии хозяйства» встречается терминология, связанная с применением различной «оптики» анализа: автор говорит, например, о «лупе политической экономии», о «социальных телескопах» и «микроскопах», направленных на социальное тело.

Изменение масштаба анализа естественным образом приводит к актуализации возможностей биографического метода – причём не только в истории, где этот метод укоренён в самом «эпистемологическом режиме» исторической науки, но и в социологии, где в последние десятилетия наблюдается своеобразный «ренессанс» биографического метода. При этом и историю, и социологию объединяет такой «кадр» анализа, в котором «главный персонаж предстает и как цель исследования, и как средство конструирования и одновременно реконструкции социального контекста» [2, с. 28].

По понятным причинам в классической социологии, тяготеющей к метанарративам, биографический метод являлся периферийным инструментом и применялся для изучения тех групп, для которых проблематичными были масштабные серийные обследования. В социологии эпохи постмодерна он превратился в основу исследовательской стратегии, направленной на выявление механизмов воспроизводства социального посредством обращения к индивидуальному. Кульминацией этой стратегии выступает эпистемологическая переоценка роли индивидуального и субъективного в социально-гуманитарном знании.

Одним из лейтмотивов методологической рефлексии С. Н. Булгакова является тема неоправданной онтологизации научных понятий. Неоднократно говоря об а priori социальной науки, её категориальной «сети», философ подчеркивает, что нельзя саму эту сеть принимать за «улов»: она – орудие, метод, а не итог или результат [1, с. 297]. «Стилизуя» социальную жизнь через представления о единообразии, детерминизме, типичности, социальная наука не может уловить в эту сеть свободу, творчество и порождаемое ими новое и индивидуальное. Рационализация социума, осуществляемая социальными науками, зачастую приводит к тому, что какие-то свойства социальной реальности начинают рассматриваться как объективно существующие в реальном мире – по аналогии с природными объектами и их свойствами в естествознании. Здесь напрашивается параллель с феноменологическим проектом социальных наук: в феноменологической социологии, в отличие от позитивистской, сами методы и инструменты воссоздания социального мира являются объектами пристального анализа. Именно поиск корней и истоков социального знания в жизненном мире человека позволяет, по мысли феноменологов, избежать соблазнов онтологизации и реификации и проследить механизмы формирования научных понятий в процессе функционирования самой «фабрики значений». В этой системе методологических ориентиров научные концепты предстают не как объективные характеристики реальности, а как научные инструменты структурирования социального порядка, нуждающиеся в предварительной проблематизации [8, с. 283].

По сути, эта же установка на преодоление натурализма в социологии является одной из «несущих конструкций» в творчестве классика современной социологии Н. Элиаса. Он отмечал «овеществляющий» характер традиционных языковых средств: «семья», «школа», «государство» выступают как объекты, подобно объектам природного мира. Социальные структуры предстают как предметы «по ту сторону» отдельного «я». В противовес этому он предложил образ множества индивидов, вступающих между собой в различные отношения, чьи жизненные траектории, пересекаясь, создают конструкции с определённым балансом сил [11, с. 152]. Социальные структуры – это не некая «бесчеловечная» данность; это не что иное, как человеческие «сплетения» и взаимозависимости, пронизывающие всё пространство социальной жизни.

Размышления С. Н. Булгакова о природе социального познания, на наш взгляд, во многом предвосхищают конструктивистскую парадигму – направление в эпистемологии, которое сформировалось в 80-е гг. XX в. Их объединяет неприятие «объективирующего» метода познания, который исходит из признания существования социальной реальности самой по себе, независимо от человека. Основная направленность конструктивизма – против корреспондентской теории познания, его методологическое кредо – «человек сам конструирует реальность и всё время рефлексиирует в ней, выступая в двух ипостасях как объект и субъект познания» [7]. Поскольку методология С. Н. Булгакова является предпосылкой изучения хозяйства и труда, аналогию с конструктивизмом уместно будет продолжить, опираясь на идеи современного российского экономиста

В. В. Попкова, автора ряда работ по экономическому конструктивизму. В качестве иллюстрации этой аналогии возьмем осуществлённый В. В. Попковым анализ теории корпоративного управления в этом контексте.

Рассматривая такое понятие, как классовый интерес, С. Н. Булгаков показывает, что это понятие «не априорно или нормативно, но апостериорно и эмпирично», оно – логический фетиш, и выдавать эмпирические обобщения за теоретически установленный закон является глубоким заблуждением [1, с. 292]. К такому же заключению приходит В. В. Попков, анализируя понятие «интерес миноритариев» в теории корпоративного управления [7]. По сути, речь идёт об одном и том же: это предостережение о принципиальной ошибочности и некорректности выдавать метод за результат исследования. Мы видим, что методологические акценты в экономическом конструктивизме расставлены так же, как и у С. Н. Булгакова.

Таким образом, основная направленность методологии С. Н. Булгакова на индивидуальные явления хозяйственной, трудовой, производственной жизни резонирует с современными тенденциями в методологии социальных наук. Акцент на индивидуальные, локальные, уникальные формы бытия социума и культуры обнаруживает глубинное методологическое «родство» концепции автора «Философии хозяйства» с такими направлениями современного социально-гуманитарного знания, как феноменологический проект социальных наук, микроистория, микросоциология. Основные принципы и установки методологии социального познания С. Н. Булгакова являются прототипами или имеют принципиальное сходство с такими приоритетными установками и стратегиями современных социально-гуманитарных наук, как отказ от логического фетишизма, конструктивистская парадигма, использование микроанализа социального мира, применение биографического метода в новом формате.

Список источников

1. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
2. Гусева И. И. Биография и автобиография как жанры исторического исследования // Наука и общество. 2013. № 1 (10). С. 26-30.
3. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / под ред. В. А. Лекторского, Л. А. Микешинной, Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М.: Языки славянских культур, 2006. 464 с.
4. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 3-13.
5. Кнор-Цетина К. Микросоциология бросает вызов макросоциологии // Ионин Л. Г. Философия и методология эмпирической социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 349-365.
6. Кули Ч.-Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ., под общ. науч. ред. А. Б. Толстова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
7. Попков В. В. Конструктивизм и множественность экономических теорий [Электронный ресурс] // Вопросы социальной теории. 2016. Т. 8. Вып. 1-2. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2015-2016/10.pdf> (дата обращения: 12.12.2019).
8. Силвермен Д. Некоторые игнорируемые вопросы о природе социальной реальности // Новые направления в социологической теории / пер. с англ. Л. Г. Иониной. М.: Прогресс, 1978. С. 272-299.
9. Фукс-Хайриг В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семёнова. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11-41.
10. Черутти С. Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII века // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2003. С. 27-57.
11. Элиас Н. Что такое социология? // Ионин Л. Г. Философия и методология эмпирической социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 150-166.

S. N. BULGAKOV'S METHODOLOGY OF SOCIAL SCIENCES THROUGH THE LENSES OF MODERN SOCIAL AND CLASSICAL RATIONALITY

Guseva Irina Ivanovna, Doctor in Philosophy, Professor
Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics
iris212009@rambler.ru

The article examines problems of methodology of social sciences in S. N. Bulgakov's "Philosophy of Economy". The paper aims to identify interrelation of S. N. Bulgakov's methodological conception and modern approaches to developing and justifying social sciences and the humanities. It is shown that the basic principles and purposes of S. N. Bulgakov's methodology of social cognition are prototypic or closely related to such priority tasks and strategies of modern social and classical knowledge as accent on individual forms of the social and the cultural, abandoning logical fetishism, the constructivist paradigm, micro-analysis of the social world.

Key words and phrases: methodology of social sciences and the humanities; S. N. Bulgakov's philosophy; individual forms of the social; micro-analysis of social world; logical fetishism; constructivist paradigm.